

НИКИТА МИХАЛКОВ ПОКАЗАЛ ВЫСШИЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ КЛАСС

Эймунтас Някрошюс/написал некролог

Пушкину

Независимая газета - 1994 - 4 ноября - с. 1

Антонина Крюкова,
Игорь Зотов

Событие

В СРЕДУ вечером московский бомонд заметался и вынужденно разделился: самый бомондистый выбрал-таки премьеру «Утомленных солнцем» Никиты Михалкова, бомонд эстетизированный и помоложе отправился в театр имени Моссовета на «Маленькие трагедии» в постановке несравненного Някрошюса. У Михалкова все было предельно демократично, начиная с огромного портрета Сталина на фронтоне здания и заканчивая польскими гостями (это в такой-то момент!): Беатой Тышкевич, Даниэлем Ольбрыхским и Вольдемаром Домбровским. А в целом вечер был посвящен выдающемуся советскому художнику Сергею Бондарчуку. «Давайте его вместе помянем», — сказал Никита Сергеевич, и зал встал. Все встали: и легендарная Ольга Лепешинская, и Людмила Гурченко, и Ирина Архипова, и Сергей Михалков, и Андрей Вознесенский, и Сергей Филатов, и Илья Глазунов, и Александр Яковлев, и Николай Губенко... Все побывало тут. Отвечая на собственный же вопрос о незримом присутствии вождя всех народов, председатель Роскомкино Армен Медведев сказал, что «с ним мы прожили, в зависимости от возраста, кто — полжизни, а кто — и целую жизнь... В фильме вы различите простое, как мычание, слово «мама». Если оно для нас свято, то мы будем жить, ибо то, что вложили в нас матери, с тем мы и живем».

Представляя своих актеров, Никита Михалков произнес: «Моя

печаль, моя любовь, мое мучение, моя радость, моя страсть и моя надежда» — Олег Меньшиков, Вячеслав Тихонов, Светлана Крюкова, Нина Архипова... Сыгравшая в фильме одну из самых интересных ролей дочь режиссера Надя пропела в микрофон начало танго, слова которого в несколько измененном виде и стали названием картины.

«Моцарт и Сальери» у Някрошюса, если не слышать назойливого перевода, предстали в первоначально литовском виде. Сальери — работающий крестьянин, Моцарт — назойливый деревенский дурачок. Режиссер докопался-таки до архаичности, низведя тем самым антиномию гения и посредственности до архаических времен. Как тут не вспомнить то, что литовский язык — один из древнейших в Европе. Равно как и литовский крестьянин. Необычайно же красивый финал этой трагедии — качающийся в полной тишине метромом с прикреплённой к стрелке горячей свечой отжигает нас еще дальше — к трагедии космической. Вторая часть спектакля «Дон Гуан. Чума» — оказалась последней подписью под некрологом Александру Пушкину. Някрошюс презрел аполлоновское начало у русского поэта, заменив его дионисийским. Под мелодию зальцбургского гения, мотивчики Огинского, баховские распевы и православный канон воскресает Моцарт — Дон Гуан — Пушкин —... (далее по смыслу), а рядом — блажененькая (почти точная копия из «Рублева» Андрея Тарковского), она же — лошадь, она же — статуя Командора. Герои целуют не руки, не губы, а ступни ног. Их (ступней) отпечатки на всем (литовские ноги крепко стоят на земле-матушке). Чума не кончается, она требует все новых жертв. Отныне и вовеки веков.